

Г.С.: Да. Может быть, потом ты возьмешься за постановку.

Н.М.: Не знаю, мне кажется постановка — это очень серьезно.

Г.С.: А почему нет? С театральным курсом взять и поставить что-то, вот так же свежо, точно и тонко. Своими эмоциями и наблюдениями надо делиться. Без этого не бывает искусства.

Н.М.: Скажу по секрету. У нас в театре сейчас будет закрытие 89-го театрального сезона, и Токарев предлагает мне написать сценарий «Ночи в театре». Безусловно, соглашусь, после 5-летия Центра я засяду за этот сценарий. Кстати, это тоже будет своего рода постановка, и я обяза-

тельно включу туда вампиловские тексты, без этого никак, а еще хочу воплотить желание Лины Викторовны Иоффе и включить туда уютный дворик из 60-х. Кроме того, очень хотелось бы успеть с кино, чтобы актеры нашего ТЮЗа снялись в 5-6 короткометражках по рассказам А. Вампилова, которые вместе по хронометражу будут соответствовать полнометражному фильму, но это, скорее всего, планы уже на 85-летие Александра Валентиновича.

Г.С.: У тебя все получится. Верю!

Фото из личного архива Наталии Маламуд и ТЮЗа им. А. Вампилова

«ТАМ МЕНЯ ЗАБЫЛИ, ТАМ МЕНЯ НЕ ЖДУТ...»

Об Александре Вампилове вспоминает **Владимир Андреев** — президент Московского драматического театра им. М.Н. Ермоловой, народный артист СССР, режиссер, завкафедрой актерского мастерства, профессор ГИТИСа

Саня приезжал в Москву, ходил по редакциям. Были люди, которые его поддерживали, которые пробивали его пьесы. И делали это искренне! Он нравился женщинам. Он был остроумен. Невесел в своем остроумии. Он был умен, он был образован. И это нравилось. И товарищам, которые здесь возникали в Москве, и дамам. В определенный момент он делался очень деловым, очень серьезным. Он был моложе меня. Не на много, на шесть лет, но когда тебе тридцать — это существенно.

Сейчас вспомнил банкет в Доме Актера после премьеры «Старшего сына». Как приехала очень юная, тоненькая Оля, с испуганными глазами, то ли от Москвы, то ли от того, что вокруг крутятся все эти люди: «Вдова Вампилова, вдова Вам-

пилова!», — стараются пристроиться, уж очень хорошенькая вдова... Мы тогда здорово врзали за упокой души его и стали мечтать о том, как будем ставить и другие его пьесы...

* * *

Путь «Старшего сына» на сцену был весьма своеобразным. В московском управлении культуры служили два неглупых человека. Но доказывали они «вредность» вампиловского творчества, как абсолютные идиоты. Хотя ребята были образованные. Один картавил, другой разговаривал так, как будто он надсмотрщик в сталинском лагере. Работали ребята здорово. Они перебарщивали, конечно, борясь за то, чтобы ничего враждебного не проникло на советскую сцену, а значит и в нашу жизнь. Но «Старший сын» все же вышел! Ставил его Геннадий Косоков. Я был главным режиссером Ермоловского театра, а нашим завлитом была удивительная женщина — Елена Леонидовна Якушкина. Фамилию эту она носила не случайно, принадлежала к потомкам

декабриста. Дама совершенно потрясающая, с юмором, начитанная, блистательно знала французский, немецкий языки. Перевела для Сухаревской и Тенина «Визит дамы» Дюрренматта, спектакль шел в Театре на Малой Бронной, руководил им тогда Андрей Гончаров. Для нас перевела «Бал воров» Ануя. Сидела она в маленьком кабинчике, который напоминал пенал, там был подоконник, весь заваленный пьесами, Вампилов называл его «кладбищем авторских амбиций». Впервые взглянув на кипы пьес, спросил печально: «И мою сюда забросите?» Но Якушкина не забросила. Уж она-то в авторах разбираться умела!

Вампилов рассказывал: «Я шел мимо. Приехал в Москву в очередной раз. Особых надежд у меня не было. Иду, вижу — Театр Ермоловой. Зашел. Познакомился с Еленой Леонидовной. Предложил: поставьте хотя бы «Старшего сына» — комедия, добрая». Якушкина пьесу прочла и влюбилась. А у нее удивительный характер был, она не предавала. Если что-то нравится, если в чем-то убеждена всерьез, она за это боролась. Пришла ко мне, сказала: «Володя! Это надо пробивать! Обязательно!» Была очень последовательна в своих желаниях, поэтому после «Старшего сына» сразу заговорила о том, что нам надо ставить «Прошлым летом в Чулимске». «Нужно дальше, дальше! — настаивала она. — Вампилова мы должны открывать, он станет нашим автором!»

А в управлении культуры «Старшего сына» прочли, сказали: «Хулиганство! Два молодых человека, советских студента, ночью стучатся в чужую квартиру. Их в милицию надо, а вы хотите на сцену?!» Мы ходили, просили... Не разрешают постановку! Но все-таки пробили, вышел спектакль. Только Вампилов не дожидаясь премьеры. Совсем чуть-чуть не дождался...

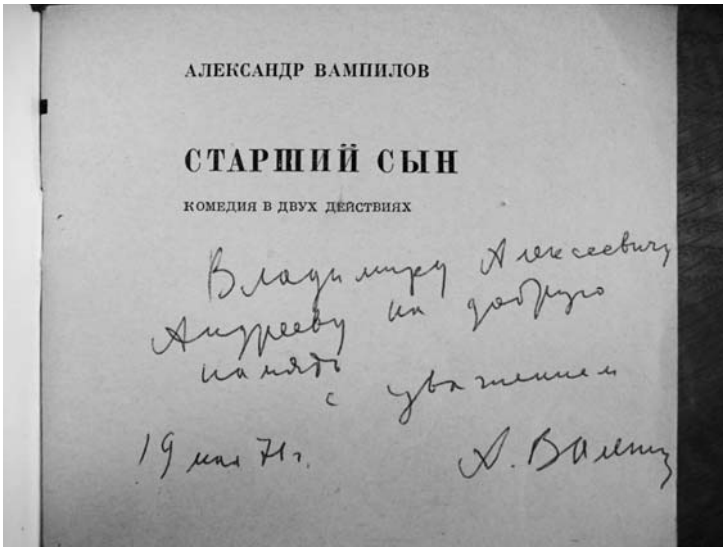
А когда он сидел на репетициях, был очень строг, потому что про себя понимал, кто он и что. Мог сказать: «Не так делаете!» Об одном артисте, очень способном, но которому все хотелось смешить и смешить больше, чем надо, Вампилов говорил: «Когда же он перестанет так наигрывать?! Когда же он перестанет выжимать смех?» Этот

«Утиня охота». В. Андреев в роли Зилова.
Театр им. М.Н. Ермоловой. 1979

артист Сильву репетировал и получал аплодисменты восторженные из зала. И жал до тех пор, пока в одной из критических статей не написали: «Ему что, только смех важен? Он что, не понимает, о чем пишет Вампилов?» Но остановиться артист уже не мог. Тщеславие! Пусть малюсенькое, но аплодисменты-то сорвал... Но это я так, это не главное. Главное, что спектакль вышел!

Вампилов стал давать нам и другие свои пьесы. Про «Утиную охоту» сказал почти обреченно: «Она вернется к нам с Запада». После «Старшего сына» я поставил «Прошлым летом в Чулимске». Это было уже другого ранга произведение, это был психологический театр. Пьесу нам тоже не разрешали, но мы работали. Однажды начальник управления культуры, сказал: «Посмотрю, но в свой выходной день». Пришел на прогон в воскресенье — боялся! Кончился спектакль, он подошел к режиссерскому пульту в зале со слезами на глазах, говорит: «Это надо защищать. Это обязательно должно быть на сцене. Про-

Автограф
А. Вампилова

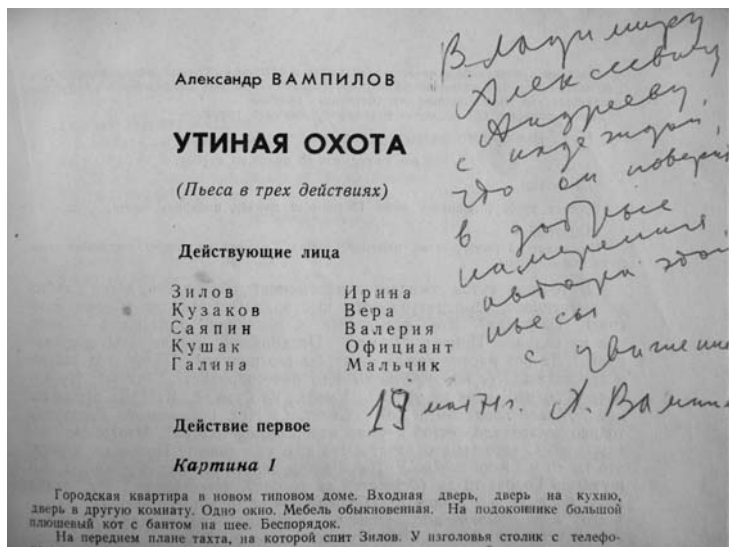
бывайте! Я вам ничего не говорил, но, если надо, буду с вами!» «Чулимск» разрешили, и спектакль пошел с огромным успехом. Вампилов хотел, чтобы Шаманова играл я, а я видел в этой роли Любшина. Меня уговаривала и Оля, жена Вампилова. Но я сказал: нет. И Слава Любшин играл. Очень хорошо! Тонко играл. Грустно. Он в своем исполнении выходил за границы того маленького городка, где происходило действие. И не в Чулимске жил этот человек, и не из областного города приехал, а из Петербурга – он расширял амплитуду восприятия зрительского.

А один хороший, образованный человек, замминистра культуры, посмотрев этот спектакль, предложил: «Может, посидим у вас на кухне, пообсуждаем?» Мы сидим на кухне, рядом его супруга, он делится восторженными впечатлениями, и я, ободренный, говорю: меня зовут в Магдебург ставить «Утиную охоту». Он сразу грустнет: «Ну зачем экспортировать ЭТО за рубеж? Сейчас? Поставьте лучше Горького, и мы дадим вам добро на выезд».

Я потом поставил «Утиную охоту» на Западе. Но позже, сначала в Москве. Нашлись люди, которые после смерти Вампилова, когда его пьесы уже шли везде, уп-

рекали, и в первую очередь тех, кто бился за него: «Вот, все проснулись, когда он ушел...» Это неправда! Те, кто за него боролся, боролись при жизни. Он был вдохновителем наших генеральных репетиций, и надо сказать, был он строг! Он не говорил: «Ой, ребята, спасибо вам – поставили, и хорошо!»

Когда ставил «Утиную охоту», я играл Зилова. Вы не поверите, играл триста раз! Он жил долго, этот спектакль. Но особую радость мне доставили две зарубежные постановки – «Прошлым летом в Чулимске» в Финляндии и «Утиная охота» в Праге, в знаменитом Театре на Виноградах. Меня предупреждали: «Финны – народ холодный. Не жди от них особых восторгов...» Но как они полюбили эту пьесу! Актеры рвались на репетиции! А когда я после премьеры вернулся в Москву, вдогонку пришла телеграмма от директора «ТТТ-театра» Темпери: «Все критики в восторге!» Потом меня снова звали в Финляндию, но министерство ответило: «Г-н Андреев сейчас очень занят на основной работе и, к сожалению, вынужден отказаться от вашего любезного приглашения». Я об этом узнал много позже. Потом «Чулимск» поехал на фестиваль в Швецию, но меня уже не позвали. Может,

Автограф
А. Вампилова

в чем-то нехорошем заподозрили?

Знаете, Вампилов подарил мне первое издание «Утиной охоты». В журнале напечатали, и в экземпляр, который он правил, добавлял слова, маленькие сценки, и подарил мне. Я, чтобы сохранить, отдал в переплет, и люди, работавшие на совесть, резали поля, да так, что некоторые буквы срезали, уничтожая его почерк, и я потом аккуратно дописывал буквы... До сих пор храню этот подарок. Он написал там: «С надеждой и верой, что Вы поверите в добрые намерения автора этой пьесы».

* * *

Вскорости после гибели Сани были мы на гастролях на Дальнем Востоке, мы тогда уже репетировали «Прошлым летом в Чулимске». Я понял, что обязан побывать на могиле Вампилова. У меня билет был до Москвы, но я долетел до Иркутска, зашел к сотрудникам аэропорта, говорю: «Сделайте мне транзит, я прилетел к брату на могилу». – «К какому брату?» – «К великому драматургу». – «Кто такой?» – «Александр Вампилов». – «А кто это?»...

У меня был адрес Оли, я поймал машину, поехали. В кабине вижу в зеркальце, на меня нацелены колючие такие глаза водителя

и рядом еще кто-то с ним сидел. И показалось мне..., что лучше уж пешком. Я не струсил, просто почувствовал. Сказал: «Всё, ребята, стоп!», – взяв свою поклажу. – «Ты куда? Довезем!» – «Довезете, довезете. Поезжайте, ребята, по-хорошему!» И остался я на дороге, а место глуховатое... Но кое-как добрался, подхватил меня кто-то. Приехал, звоню в дверь, открывает Оля, в руках у нее сковородка, она котлеты жарила. И такой запах! Хороший. Аппетитный. И она жевала котлету... Увидела меня, и слезы у нее полились... (Долгая пауза.)

И мы с Олей поехали на кладбище. Могила вроде бы еще недавняя, а перед ней уже целый ряд новых выстроился. Вечер спускался. Огоньки Иркутска. И налетели комары! Страшно сколько их было, тьма! И тут я вспомнил, как мы репетировали в «Чулимске» сцену Мечёткина и Кашкиной, а там ремарка – во время разговора их кусают комары. И я все говорил артистам: «Комары! Комары!» А они мне: да ладно, мол, ерунда, мелочь. И когда на меня там на кладбище, перед неухоженной, без памятки еще, могилой Вампилова налетела эта туча, я подумал, ну приеду, я вам покажу «ерунда»! Я был искусан весь! Шофер, тот из машины и не вылезал. И Оля

потом села. А я все стоял... И шофер все высовывался и звал: «Ехать надо, браток, ехать надо!» Спускался вечер, время в Иркутске беспокойное.

После кладбища мы с Олей поехали к Славе Шугаеву, писателю, довольно известному в тех местах, у него были отношения с Саней серьезные, разные, он иногда мог раскритиковать Вампилова, но делал это всегда по-дружески. Там вообще густо было всякого рода поэтов, писателей и драматургов — Иркутск в этом отношении был и остается местом замечательным. Приехали, как сейчас помню — морошка была на столе, настоящая морошка! Ну, помянули, разговорились... А рано утром мы с Шугаевым пошли на Ангару. Туда, где бывал, бродил Вампилов... *(Вдыхает, пауза.)* Туман такой был... Мы сели на скамеечку, подождать, пока разойдется, чтоб увидеть всю эту ширь и красоту. И я слышу в тумане: «Колька, Колька, слезь с кормы!» И по полной программе текст идет русский. «Кому сказал, Колька! Щас я тебе...», — и опять вводные предложения. Тут рассеялся туман, и я увидел лодку посреди Ангары, а в ней мальчоночка, лет шести, не больше, свесился и полочется в воде ладошками... Шугаев потом писал: «Андреев сидел рядом, спрашивал: “Он здесь бывал?”», — “Бывал”, — отвечал я и понимал, что говорю о человеке, которого нет. И который не вернется».

Я улетел в Москву. Шло время, в Иркутске затеяли Вампиловский фестиваль. Ежегодный, на сцене Театра им. Николая Охлопкова. Нам посчастливилось там играть, привозили спектакли, много лет подряд. И только совсем недавно сказал себе: «Все, браток, стоп, ты уже становишься “невъездным”». И я перестал ездить туда, где всякий раз, прилетев, бросал пожитки и сразу ехал на Байкал, в Листвянку, к тому месту, где погиб Саня. У меня до сих пор сохранилась фотография, где у стелы, на этом трагическом месте, стоит девушка и смотрит вдаль. Давнишняя фотография. Это Лена, дочка Александра Вампилова.

И вот эти воспоминания мои... Они овеяны не натужной, не случайной, не офици-

альной печалью, а настоящим светлым отношением к Человеку. К тому, что создал он и мог бы еще создать. Но ушел. Раньше времени... Иногда говорят: человек уходит тогда, когда сделал все, что мог. Так ушел Пушкин. Лермонтов. Есенин. Может быть... Но мне кажется, с Вампиловым все иначе. Он не доделал! Он ушел, не сделал многое, многое. Не закончил последнюю свою пьесу, она называлась «Несравненный Наконечников»...

Знаете, он написал стихи однажды. «Калитка» назывались. Принес их мне. Читал...

*Шаткая калитка
В стареньком плетне,
Всем она открыта,
Но уже не мне.*

*Прохожу я мимо,
Заляжусь слегка.
Под окном черемух
Белых облака.*

*Не пойду я ближе,
Постою я тут.
Там меня забыли,
Там меня не ждут.*

*Разнята калитка
Не моей рукой,
И уходит в полночь
Уж не я — другой.*

*Помню, я калитку
Тихо затворял.
Ласковое имя
Тихо повторял.*

*Не пойду я мимо,
Заляжусь слегка.
Под окном черемух
Белых облака.*

*Не зайду я больше
В их густой приют.
Там меня забыли,
Там меня не ждут.*

Записала Галина СМОЛЕНСКАЯ